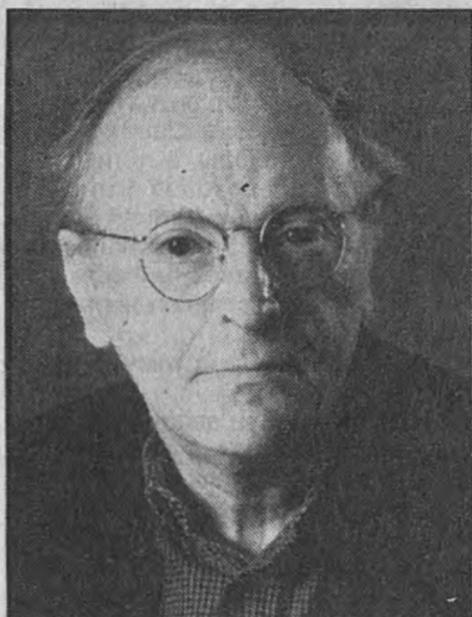

Думать - ЭТО ПОЧТИ ПОДВИГ

1. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). - М.: издательская фирма «Ad Marginem», 1995. - 548 с. Тираж 5000 экз.

2. Бродский И. Сочинения. Том 4. Сост. Г.Ф. Комаров. - С.-Пб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 1995. - 336 с. Тираж 6000 экз.

Иногда встречаются книги, само присутствие которых в доме на полке дает ощущение того, что не все еще так печально в жизни, как кажется, и ты не забудешь о самом главном - о смысле событий и обстоятельствах, в которых крутишься изо дня в день.

В лабиринте проклятых вопросов движется мысль философа Мераба Мамардашвили. Он берет себе в спутники эпопею Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», и, бродя вокруг да около, вступая в воображаемые диалоги то с самим собой, то с Прустом, то с кем-то еще из пантеона великих, нащупывает дорожку в область человеческого сознания, прежде всего опираясь на опыт собственного. Мамардашвили не открыл здесь истину, он только настойчиво попытался остаться в мысли подольше, как то пытались делать ранее: Платон в своих «Диалогах», Розанов в своих «Опавших листьях» и Шестов в «Апофеозе беспочвенности». Мамардашвили удалось в 33 лекциях, реально произнесенных им в Тбилисском университете в 1982 году, расшифровка которых и составила книгу, создать духовное напряжение такой же силы и страсти, какие всегда исходили от его текстов. Неспроста в конце 80-х в студенческой университетской среде сложилось мнение, что у Мамардашвили на каждой странице находишь что-нибудь гениальное. Оказывается, думать - это почти подвиг: не дать одержать верх над собой обстоятельствам своего существования, не слиться с образом самого себя в глазах окружающих, постоянно помнить, что я не

директор, редактор, корректор или министр, а я, предположим, Иван Иванович Иванов, сижу за столом и думаю: «А на фиг все это нужно: карьера, дом, семья, пикник и выходной, секретарша за дверью?.. Я все это выдумал или все это уже выдумывает меня, сидящего в высоком кресле?» Мераб Мамардашвили был философ. Он, по преимуществу, думал. О сознании, о литературе, о самом себе. Умер пять с половиной лет назад в Москве, любил французскую философию и литературу, любил шумные грузинские застолья, оставил по себе учеников, друзей и тысячи метров магнитофонных лент с записями лекций. Теперь их помаленьку расшифровывают и составляют книги. Книги о самом главном - о каждом из нас.

Четвертый том собрания сочинений Иосифа Бродского вышел незадолго до его смерти, в самом конце 95-го. Он мелькнул на прилавках Москвы и канул в небытие, оставив по себе лишь эхо вопросов: «Видел? Купил!» - «Нет!» Затем что-то оборвалось внутри, когда пошла череда черных рамок с портретом: «Смерть поэта». Наконец, белый супер и снова рамка, только светло-зеленая: «Сочинения Иосифа Бродского». В книге два раздела: «Стихотворения и переводы» и «Эссе и драматические произведения». То, что не вошло в первые три тома по хронологии жизни поэта или было упущено по каким-то причинам, составило первый раздел. Во втором разделе - то, что обычно называют «проза поэта». Издание исполнено как классическое произведение, по всем законам жанра и вкуса, в духе писаний автора.

Бродский уехал в 1972-м, умер в 1996-м. За 24 года, проведенных на чужбине, стал частью истории американской литературы. Писал на русском и английском, переводил, преподавал, издавал книги, получил Нобелевскую премию, произнес Нобелевскую речь, вернулся на Родину стихами, вернее, стихами ее никогда не покидал. Поэтом будет и пятый том «Сочинений», будут и другие книги, уже посмертно.

XX век оставил и Бродского и Мамардашвили себе, очевидно, решив, что без них ему будет мало вершин.

**Рубрику ведет
Денис ВЕСЕЛОВ.**

Рос. Вестн. - 1996. - 30
мая. - с. 3